

АКТЕР И ЕГО ГЕРОИ



С. В. Клементьев.

Память зрителей обладает примечательным свойством: она коротка в тех случаях, когда вынуждена воспринимать фальшивое и бесцветное актерское исполнение, и долго хранит встречи с подлинным искусством.

Когда ищешь секрет убедительности, жизненности целой галереи персонажей, воплощенных на сцене заслуженным артистом РСФСР Сергеем Васильевичем Клементьевым, то прежде всего обращаешь внимание на конкретность и оригинальность их трактовки. Таким, например, Сергей Васильевич предстает перед нами в одной из своих недавних работ — в роли Дмитрия Сергеевича Скворца в «Ленинградском проспекте» И. Штока. Он рисует живой и яркий характер неугомонного старика, которому до всего есть дело. Их много в нашей жизни, таких энергичных старичков, которые, уйдя на заслуженный отдых, продолжают с нерастравленным жаром души бороться со всякими проявлениями несправедливости, лжи и обмана...

Почти сорок лет отделяют Сергея Васильевича от того времени, когда он ступил на подмостки Псковского драмати-

ческого театра в качестве актера вспомогательного состава. На первый взгляд, его творческий путь не отмечен никакими неожиданностями: институт сценических искусств в Ленинграде, с 1931 года — театр Красной Армии в г. Ташкенте. Фронт в годы Отечественной войны. И опять театр, только теперь уже в Калининграде.

Это — внешние факты. Но сама творческая судьба Клементьева отмечена своеобразием. Она состоит прежде всего в том, что Клементьев — актер современной темы. Он вырос на советском репертуаре, прошел со своими героями путь от гражданской войны до наших дней.

Клементьев остается актером-современником и когда играет классический репертуар: раскрывает ли он самовлюбленность, беспредельную ограниченность тупицы, ослепленного сознанием своей неотразимости (Мальволио — «Двенадцатая ночь» В. Шекспира), показывает ли нам в Луке Дергачеве («Последняя жертва») живой персонаж из галереи типов, созданных Островским, — человека опустившегося, без определенных занятий, собирающего крохи с чужих столов, раскры-

вает ли внутренний мир глубоко несчастного мистера Доррита («Крошка Доррит» Диккенса), бесхитростного, наивного, примирившегося с судьбой страдальца и уязвленного во своей гордости аристократа. У актера — умение говорить со сцены о самом главном, обобщать в сценическом портрете черты эпохи.

В наш театр С. В. Клементьев пришел уже сложившимся актером, и здесь наступила для

ЛЮДИ ТВОРЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

него щедрая зрелость. Когда просматриваешь старые, пожелтевшие газетные страницы с рецензиями сороковых годов и рецензии на недавние спектакли, бросается в глаза широта диапазона актера. Сценические работы Клементьева объединяет ясность трактовок, определенность характеров, точная логика и правда жизни на сцене и особенно резкая, социально обусловленная отчетливость индивидуализации.

Запомнились гибкая изворотливость, хищная хватка, дявольское двуличие клемментьевского Полудина («Персональное дело»). Он создает убедитель-

ный психологический портрет, тонко раскрывая взгляды и мысли честного карьериста, его подлой души. Удачно подчеркивая наглость и безжалостность Полудина, строящего на падении Хлебникова собственное благополучие, он позволяет зрителю заглянуть в самую бездну души хитрого и опасного врага, врага, который, прикрываясь фразами о бдительности, принципиальности, о необходимости бороться за чистоту партийных рядов, ловко прячет собственный карьеризм и шкурнические цели.

Внешняя невозмутимость, хладнокровие инженера Петровых («Двенадцатый час») словно отчуждают его от окружающего мира, поднимают над житейской суетой. Скупое, неторопливо раскрывает актер его характер. Он не спешит расшифровать внутреннее содержание своего героя, но с каждым следующим эпизодом дает почувствовать что-то новое. И вот перед нами вскрытый, особенно опасный враг Советской власти, прячущий свои подлые замыслы под личиной равнодушия к политике.

Разнообразны типы людей,

воссозданных актером. Среди них есть великие и ничтожные, незаурядные и малозначительные. Каждый живет на сцене своей жизнью, имеет свои неповторимые особенности.

Тщательная разработка характеров, скрупулезный и объективный анализ человеческой души, простота логики свойственны не только Клементьеву — артисту, но и Клементьеву — режиссеру. Таким он выступил перед нами и в самостоятельной режиссерской работе («Глубокие корни») и там, где он со-режиссер («После разлуки» и «Остров Афродиты»).

С. В. Клементьев верен себе и в работе с самостоятельными коллективами. Поставленные им спектакли получают первые места на областных смотрах.

Сергей Васильевич в расцвете творческих сил. Он мечтает о роли большого, настоящего человека наших дней, человека с государственным размахом, умного, проникательного, душевного, мечтает рассказать зрителям о трудной и вместе с тем полной неисчерпаемого богатства судьбе своего современника.

В. БОБРИНОВ.